

Анисова Анна Александровна

РОЛЬ ПРЕДИКАТОВ АГЕНТИВНОГО СУБЪЕКТА ДЛЯ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА "КОТЛОВАН"

Статья посвящена анализу предикатов агентивного субъекта, использованных для создания образов персонажей (на примере образа Вощева, героя повести А. Платонова "Котлован"). В работе представлена классификация, учитывающая характеристики субъекта (активность-неактивность, обусловленность действия волей героя), а также семантику предикатов. Предложенный анализ позволяет детально охарактеризовать персонаж и выявить некоторые принципы построения дискурса А. Платонова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 21-24. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Батунова Т. К. Святой праведный Иоанн Кронштадтский о воспитании и образовании // Духовно-нравственный и эстетический потенциал русской литературной классики: сб. науч. ст. / под ред. И. А. Киселевой, Т. А. Алпатовой. М.: ИИУ МГОУ, 2013. С. 3-7.
2. Белоброва О. Л. Хождения // Литература Древней Руси: биобиблиографический словарь / под ред. О. В. Творогова. М., 1996. С. 226-227.
3. Власова М. В. Писатель / учитель в русской литературе конца XVIII – середины XIX в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (9). С. 41-43.
4. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: сб. трудов Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МиК, 2002. С. 5-22.
5. Гудзий Н. К. История древней русской литературы: учебник. М.: Аспект Пресс, 2002. 589 с.
6. Данилов В. В. О жанровых особенностях древнерусских «хождений» // Труды отдела древнерусской литературы. М.: Наука, 1962. Т. XVIII. С. 21-37.
7. Карамзин Н. М. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре // Вестник Европы. 1802. Ч. 4. № 15. С. 207-226.
8. Карамзин Н. М. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре // Вестник Европы. 1802. Ч. 4. № 16. С. 287-304.
9. Маркович В. М. Уроки Шевырева // Шевырев С. П. Об отечественной словесности. М.: Высш. шк., 2004. С. 7-57.
10. Моторин А. В. Духовные направления в русской словесности первой половины XIX века. Новгород, 1998. 212 с.
11. Муравьев А. Н. Путешествие по Святым местам русским. Репринтное издание 1846 г. М., 1990. VIII+402 с.
12. Пасечная Е. В. Типаж «учитель» в русской женской беллетристике первой половины XIX века // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 127-130.
13. Флоренский П. А. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Флоренский П. А. Вопросы религиозного самопознания. М.: АСТ, 2004. С. 85-212.
14. Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М.: Индрик, 2009. 368 с.

**IMAGE OF HOLY TRINITY-ST. SERGIUS LAVRA
IN ESSAY TYPE OF WRITING OF FIRST HALF OF XIX CENTURY**

Aleksandrova-Osokina Ol'ga Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Far Eastern State University of Humanities
osokina-11@mail.ru

In the article by the example of the essays by N. M. Karamzin (1802), A. N. Murav'ev (1835) and S. P. Shev'yrev (1847) the range of issues related to the development of spiritual prose of the first half of the XIXth century is considered: problematics is detailed, the mechanisms of artistically-publicistic implementation of it are illustrated. The historical and literary significance of the material is both in the comprehension of topical and style copiousness of spiritually religious prose and in the opportunity to extend the idea about informative-ideological and artistic scopes of the national essay-writing in the XIXth century.

Key words and phrases: spiritual prose; essay; tradition and innovation; «purgatory»; hagiography; ecphrasis; Eastern Christianity and literature.

УДК 82.081

Филологические науки

Статья посвящена анализу предикатов агентивного субъекта, использованных для создания образов персонажей (на примере образа Вощева, героя повести А. Платонова «Котлован»). В работе представлена классификация, учитывающая характеристики субъекта (активность-неактивность, обусловленность действия волей героя), а также семантику предикатов. Предложенный анализ позволяет детально охарактеризовать персонаж и выявить некоторые принципы построения дискурса А. Платонова.

Ключевые слова и фразы: субъект; предикат; язык писателя; язык художественной литературы; А. Платонов.

Анисова Анна Александровна, к. филол. н., доцент
Дальневосточный федеральный университет
anisann@yandex.ru

**РОЛЬ ПРЕДИКАТОВ АГЕНТИВНОГО СУБЪЕКТА ДЛЯ СОЗДАНИЯ
ОБРАЗОВ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»©**

Данное исследование представляет собой анализ предикатов агентивного субъекта, использованных для создания образов персонажей (на примере Вощева) в повести А. Платонова «Котлован», что позволяет не только дать характеристику героям, но и выявить некоторые принципы построения дискурса А. Платонова.

В научной литературе представлены многочисленные классификации предикатов. В целях исследования была разработана (с учетом предшествующего исследовательского опыта) собственная классификация, учитывающая характеристики субъекта, а именно его активность-неактивность. Данному признаку при классификации предикатов уделялось внимание в научной литературе (см., например: [1; 4]), однако этот признак не был положен в основу систематизации предикатов.

Так как классификационные основания должны отражать какие-то существенные для описываемого множества единиц различия, для своей классификации мы выбрали подход, учитывающий, прежде всего, характеристики субъекта, так как это наиболее полно соответствует цели исследования – описанию персонажа. В связи с этим мы предложили разделить все предикаты, использованные для характеристики героя, на две основные группы: *предикаты агентивного субъекта* и *предикаты неагентивного субъекта*. Для разграничения учитывается контекст предложения и иногда – всего произведения.

Активность-неактивность – важная черта героев А. Платонова, так как сам принцип построения его художественного мира можно обобщенно назвать «онтологическим», то есть писателя прежде всего интересует разрешение бытийных проблем: существования мира и человека, поиска истины и смысла жизни. Сам текст «Котлована», при всем многообразии прочтений, видится нам прежде всего как текст о поиске истины и смысла жизни, чем, так или иначе, озабочены все основные герои повести.

В данной статье мы остановимся на предикатах агентивного субъекта, обозначающих активное, контролируемое действие. Все выявленные единицы рассматриваемого типа разделяются нами по признаку *обусловленности / необусловленности* действия волей героя. Это важный параметр для характеристики персонажа, дающий представление о том, насколько самостоятельны и осмыслены его действия. Далее наша классификация строится с учетом семантики предикатов, характеризующих субъект (о проблемах семантики предиката см., например, [2, с. 120-121]). В своей работе мы опираемся на классификацию глаголов, представленную в «Экспериментальном синтаксическом словаре» (под ред. Л. Г. Бабенко) [5]. Таким образом, предложенная классификация позволяет охарактеризовать как субъект действия, так и само действие.

В качестве примера рассмотрим образ Вощева, одного из главных героев повести «Котлован».

В результате исследования образа этого персонажа было выявлено, что предикаты агентивного субъекта составляют примерно 50% от общего количества. Исследуемые единицы, в зависимости от того, обусловлено ли действие волей субъекта или нет, могут быть разделены на две группы, которые, в свою очередь, дробятся на подгруппы.

Среди *предикатов действия, обусловленного волей героя*, выделяется большая группа *предикатов физического действия*. В основном это *предикаты перемещения в пространстве*, представленные лексемами «идти» (с производными), «ходить», «ступать», «добрести», «спуститься», «прибыть» и др. Например: «Вощев взял на квартире вещи в мешок и *вышел* наружу, чтобы на воздухе лучше понять свое будущее» [3, с. 21]; «<...> и Вощев *шел* в этом нагретом облаке тужащейся жизни, потеющей в труде своего роста» [Там же, с. 62].

Часто используются *предикаты физического воздействия на объекты и манипулирования с ними*, вербализованные лексемами «прикоснуться», «поднять» (с производными), «прижать», «облокотиться», «завязать», «тянуть», «поцеловать», «ударить», «класть», «привести», «беречь», «собирать» и др. Например: «Вощеву дали лопату, он с жестокостью отчаяния своей жизни *сжал* ее руками, точно хотел добыть истину из середины земного праха» [Там же, с. 28]; «Настя хотя и глядела на Вощева, но ничему не обрадовалась, и Вощев *прикоснулся* к ней, видя ее открытый, смолкший рот и ее равнодушное, усталое тело» [Там же, с. 114].

В число *предикатов действия, обусловленного волей героя*, входит также небольшая группа *предикатов интеллектуальной деятельности и внутреннего состояния героя*, представленная лексемами: «думать» (с производными), «сомневаться» (в значении «думать, размышлять»), «узнать», «открыть», «помнить», «решить», «жалеть», «горевать». Например: «И нынче Вощев не *жалел* себя на уничтожении сросшегося грунта: здесь будет дом, в нем будут храниться люди от невзгоды и бросать крошки из окон живущим снаружи птицам» [Там же, с. 31]; «Раз ты никому не нужен и валяешься среди всего мира, то я тебя *буду* хранить и *помнить*» [Там же, с. 23]. В последнем примере ментальное действие «помнить» воспринимается Вощевым так же, как и физическое действие «хранить», то есть для героя они равнозначны и равноценны.

Несмотря на то что *предикаты интеллектуальной деятельности и внутреннего состояния героя* составляют только 17% от общего числа предикатов агентивного субъекта, они характеризуются активностью героя и имеют особую ценность для его образа. Именно такого рода действия, по мысли Вощева, могут привести к нахождению истины и смысла существования мира и человечества. Так, на вопрос в завкоме, почему он не работал, а «стоял и думал среди производства» [Там же, с. 22], Вощев отвечает, что он «мог *выдумать* что-нибудь вроде *счастья*, а от *душевного смысла* улучшилась бы производительность» [Там же, с. 23]. То есть, в начале повести герой считает интеллектуальную деятельность важнее физической.

В числе *предикатов действия, обусловленного волей героя*, выделяются также *предикаты речи, социальной деятельности, совместного действия*, которые составляют небольшой процент от общего количества предикатов рассмотренной группы.

В результате анализа *предикатов действия, обусловленного волей героя*, проявляется следующая черта данного персонажа: Вощев занят поисками истины, но большинство его действий физические, хотя в начале повести он убежден, что отыскать истину возможно только интеллектуальным путем (или «выдумать», или вспомнить). Может быть, именно это и обуславливает неудачи героя в достижении цели.

При функционировании *предикатов действия, обусловленного волей героя*, выявляется такая особенность дискурса А. Платонова: примерно у 60% данных предикатов эксплицируется (часто избыточно) *причина* или *цель* действия, которые обычно вводятся а) придаточными причины или цели: «Вощев *приостановился* около калеки, *потому что* по улице двинулся из глубины города строй детей-пионеров с уставшей музыкой впереди» [Там же, с. 24]; «Вощев поднял однажды мгновенно умершую в воздухе птицу и павшую вниз: она была вся в поту; а когда ее Вощев *ощупал*, *чтобы* увидеть тело, то в его руках осталось скудное печальное существо, погибшее от утомления своего труда» [Там же, с. 31], или б) именной синтаксемой: «И Вощев *ударил* активиста в лоб – *для* прочности его гибели и *для* собственного сознательного счастья» [Там же, с. 111].

Это, на наш взгляд, характеризует героя как субъекта, которому для активного действия необходимо обоснование. Такие, порой навязчивые, подчеркивания целей действий можно соотнести с постоянными поисками смысла жизни, которыми занят Вощев, что, например, отражается в следующей цитате из повести: «Но вскоре он почувствовал сомнение в своей жизни и слабость тела *без истины*, – он не мог долго ступать по дороге и сел на край канавы, *не зная точного устройства всего мира и того, куда надо стремиться*» [Там же, с. 23].

Следующая выделенная нами группа – *предикаты действия, не обусловленного волей героя*. Она составляет 29% от общего количества *предикатов агентивного субъекта*.

В основном это *предикаты автоматического (рефлекторного) действия*, включающие в себя *предикаты физического действия (движения; воздействия на объекты и манипулирования с ними)* и *речи*, представленные лексемами «пойти», «отойти», «приблизиться», «двигаться», «забрести», «скрыться», «снизиться», «отступить», «покрыться», «положить»; «сказать», «ответить», «произнести», «подтвердить», «хрипеть», «шептать», «жаловаться», «проговорить» (в значении «ответить») и нек. др. Например: «Вощев *приблизился* к Чиклину с обыкновенным недоумением об окружающей жизни» [Там же, с. 76]; «Он *отошел* из середины города на конец его. Пока он *двигался* туда, наступила безлюдная ночь» [Там же, с. 26]. Вощев действует автоматически, так как не знает цели своего движения. Механистичность действия героя подчеркивается употреблением лексемы «двигался», обычно характеризующей неживые предметы (например, машины).

В следующем примере автоматичность действия подчеркивается употреблением слова «механически» для описания Вощева: «Вощев *пошел* туда походкой *механически* выбывшего человека, не сознавая, что лишь слабость культурботы на котловане заставляет его не жалеть о строительстве будущего дома» [Там же, с. 62].

Часто речь Вощева оказывается *автоматической (рефлекторной)*, так как она вызвана вопросом, репликой собеседника, а не желанием героя. Обычно для этого используется лексема «сказать» вместо более точной «ответить»: «– Ты чего, Вощев? – Так, – *сказал* тот и, завязав мешку горло, положил себе на спину этот груз» [Там же, с. 99]. Другие примеры автоматической речи персонажа: «<...> он чувствовал иногда всю наружную жизнь как свою внутренность и по временам *хрипел* горлом, открывая рот для сообщения» [Там же, с. 35]; «– Конечно, – *подтвердил* Вощев, а сам томился, потому что был согласен жить до смерти без куриного яйца, лишь бы знать основное устройство всего мира» [Там же, с. 71].

Интересна для анализа группа *предикатов совместного действия, не обусловленных волей героя* (все они представляют собой физические действия). Этих предикатов в 2,5 раза больше, чем *предикатов совместного действия, обусловленного волей героя*. То есть, как правило, Вощев при совместном действии не осознает его значения. Например: «Чиклин и Вощев *вышли* с Оргдвора и *отправились* искать мертвый инвентарь, чтобы увидеть его годность» [Там же, с. 77]; «Чиклин и Вощев *тесали* в два топора сразу, и бревна у них складывались одно к другому вплоть, основывая сверху просторное место» [Там же, с. 83]. То, что эти действия не обусловлены волей героя, выявляется из контекста всей повести, так как Вощева не интересует коллективизация (для которой производятся эти действия), он действует по приказу Чиклина или Активиста, а в сценах коллективизации не участвует совсем.

Итак, на первый взгляд, образ Вощева характеризуется большой долей активности. Но при более детальном рассмотрении оказывается, что действия героя, обусловленные его волей, составляют 71% от предикатов агентивного субъекта, то есть 36% от общего количества характеризующих его предикатов. С другой стороны, обнаруживается такая характеристика персонажа, как необходимость для активного действия причины, цели, эксплицитно (иногда избыточно) или имплицитно всегда присутствующих в тексте. В результате анализа лексики, репрезентирующей действия Вощева, выявляется разнообразие лексем, использованных для обозначения однотипных действий. Это, на наш взгляд, подчеркивает тщетность попыток главного героя достичь желаемого при всех кажущихся усилиях героя.

Список литературы

1. Алисова Т. Б. К вопросу о так называемых «стативных» предикатах // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. М., 1974. С. 55-60.
2. Лакина Н. Ю. Глагол как структурно-семантический центр высказывания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (20). С. 119-123.
3. Платонов А. П. Котлован: текст, материалы творческой истории. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
4. Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86-157.
5. Экспериментальный синтаксический словарь [Электронный ресурс] / под. ред. Л. Г. Бабенко. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2847> (дата обращения: 20.01.2014).

**ROLE OF AGENTIVE SUBJECT PREDICATES FOR CREATING CHARACTERS' IMAGES
IN A. PLATONOV'S SHORT STORY "THE FOUNDATION PIT"**

Anisova Anna Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Far Eastern Federal University
anisann@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the agentive subject predicates used for creating characters' images (by the example of Voshchev's image – the hero of A. Platonov's short story "The Foundation Pit"). In the paper the classification taking into account the subject's characteristics such as activity-passivity, action conditionality by the hero's will and the semantics of predicates is given. This analysis allows characterizing the character in detail and revealing some principles of constructing A. Platonov's discourse.

Key words and phrases: subject; predicate; writer's language; fiction language; A. Platonov.

УДК 811.18:82-31

Филологические науки

Статья посвящена анализу аббревиатурных сокращений, функционирующих в повести Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика Шкид». В ней анализируются типология аббревиатур, отаббревиатурные дериваты, узуальные и незуальные аббревиатуры, омонимия аббревиатур, специфика использования аббревиатур в тексте книги. Автор акцентирует внимание на тех сторонах языкового материала, которые отражают основные закономерности, характерные для процессов аббревиации 20-30-х годов XX века.

Ключевые слова и фразы: аббревиатуры; функционирование аббревиатур; типы аббревиатурных сокращений; отаббревиатурные дериваты; узуальные и незуальные аббревиатуры; аббревиатуры-омонимы; художественная речь.

Антонов Владимир Петрович

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
antonov_vp58@mail.ru

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АББРЕВИАТУР В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ Г. БЕЛЫХ И Л. ПАНТЕЛЕЕВА «РЕСПУБЛИКА ШКИД»)**©

В современной лингвистике достаточно много внимания уделяется проблемам аббревиации вообще и разным её аспектам в частности (см., например: А. В. Каледина, Н. В. Ларичева [5], Е. Н. Ожогин [6], Ю. А. Хуснуллина [7], М. А. Черкасова [8] и ряд других работ). Несмотря на это, вопросы функционирования аббревиатур в художественных текстах остаются пока малоразработанными. Сложившееся положение в данной области дериватологии актуализирует исследования указанной проблематики. В связи с этим предметом нашего внимания становятся аббревиатурные сокращения разных типов, использованные в повести Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика Шкид». Цель работы – выявить специфику аббревиатурных лексем и особенности их функционирования в художественном тексте. Для достижения цели поэтапно решены следующие задачи:

- сформирован нужный для исследования корпус языкового материала на основе сплошной его выборки из текста анализируемой повести;
- проведён парадигматический, структурный и функциональный анализ собранного аббревиатурного материала;
- выявлены особенности функционирования аббревиатурной лексики в художественном произведении первой трети XX века.

«Республика Шкид» написана в переломное для страны историческое время (1926 г.) (издана в 1927 году), в период коренного её переустройства, отразившийся на всех сторонах жизни как страны, общества в целом, так и конкретного человека в частности. Отразилось переломное время и на нашем языке. Такие эпохи в истории функционирования языка лингвисты называют временами «языковой смуты» [1, с. 80].

Рассмотрим, как через призму языкового материала время «языковой смуты» почти столетней давности нашло отражение в тексте анализируемого произведения и насколько этот материал документирует саму смутную эпоху.

Выборка аббревиатурного материала и количественный подсчёт показали, что в повести Г. Белых и Л. Пантелеева [4] использованы 96 сокращённых лексем разных типов, которые представлены в ней 1025 употреблениями. Таким образом, анализируемый художественный текст насыщен достаточно большим числом аббревиатурных сокращений. Эта насыщенность достигается также и вследствие многократного включения в текст